

Л.И. Винокурова

DOI: 10.25693/SVG.V.2020.01.30.05

УДК 316.343.37(571.56)''196/198''

Сельский образ жизни в советской Якутии 1960-х – середины 1980-х гг.

В статье рассмотрена региональная историография сельского пространства Якутии; отмечено, что социальная история коренных народов республики, история традиционного образа жизни и его трансформаций в течение всего XX в., включая отдельный период позднего социализма, остаются малоисследованными до настоящего времени. В этой связи акцентирована проблема изучения сельского уклада, служившего основой традиционного образа жизни; озвучена особая научная актуальность данной темы в свете ускоряющихся процессов урбанизации и глобализации во всех регионах Российской Федерации.

В работе отмечается масштабность потенциала поставленной проблемы, включая возможности сравнительных исследований в районах не только России, но и на территориях бывшего СССР с длительной сохранностью сельских традиций. Подчеркивается, что в Якутии, несмотря на значительные деформации сельского уклада под воздействием советской государственной политики, формы и элементы традиционной организации жизнедеятельности коренных народов оказались весьма устойчивыми и способными к функционированию в постсоветский период. Данный социальный феномен освещается на примере коренных северных меньшинств. Ставится задача мобилизации и анализа исторических источников, отражающих функционирование в советской повседневности элементов традиционного уклада в сельской местности республики.

Ключевые слова: сельский уклад жизни, советская повседневность, северные и арктические села, традиционный образ жизни, Якутия

© Винокурова Л.И., 2020

Сельская территория Республики Саха (Якутия) остается привлекательной областью для гуманитарных исследований по многим причинам. Прежде всего, она до настоящего времени является этнической нишей, пространством жизнедеятельности коренных народов, сохраняющих свою культуру и этническую самобытность. Следует учитывать также растущую волну новой индустриализации, воздействие текущих процессов внутренней и внешней миграции, быстрых изменений в образе жизни и социальном облике населения в республике, что особенно актуализирует современные исследования прошлого и настоящего сел Якутии. Кроме естественного убывания материальных свидетельств истории, ход времени сокращает количество участников событий и хранителей исторической памяти.

Историография сельского пространства Якутии, как мы неоднократно отмечали, в основном представлена исследованиями аграрных отношений и сельского хозяйства. Сложившийся круг трудов по аграрной тематике охватывает большой хронологический диапазон: так, фундаментально изучены земельные отношения, социально-экономические процессы в аграрном краю, развитие земледелия в XX столетии [Башарин, 1989, 1990, 2003; Гоголев, 1972; Сафонов, 2010]. Отметим, что региональные исследователи советского периода активно дискутировали по вопросам формирования рыночных отношений на рубеже XIX – XX вв.; историки и экономисты уделяли большое внимание различным аспектам функционирования социалистической аграрной экономики [Гоголев, 1972; Ковлеков, 1992, 1993].

Разумеется, социальное развитие коренных народов освещалось в рамках советской идеологии. Внимание в основном фиксировалось на позитивных официальных статистических показателях, на прогрессивных явлениях в трудовых процессах. По понятным причинам обходились болезненные моменты реализации государственной политики в этнокультурной сфере, очень осторожно затрагивались вопросы социальных последствий экономических преобразований и политико-административных изменений на территориях проживания коренных народов. В целом, лишь в трудах отдельных исследователей поднимались вопросы трансформа-

ций традиционного хозяйства и традиционного образа жизни.

В целом, к концу эпохи социализма якутскими учеными был накоплен солидный эмпирический материал, позволяющий анализировать пройденные населением республики этапы социально-экономического развития. Несмотря на то, что оценки и интерпретации ограничивались идеологическими установками, в гуманитарном сообществе еще в 1980-е гг. сформировался определенный критицизм по отношению к социальным достижениям коренного населения в советский период [Аргунов, 1988]. В постперестроечные годы, как и во всех бывших советских республиках, в историографических лакунах первыми были заполнены ранее табуированные сюжеты истории – по событиям гражданской войны и коллективизации, по теме политических репрессий, реалий жизни в период Великой Отечественной войны и т.д. [Федоров, 2013; Санникова, 2007; Алексеев, 1998; Иванова, 1998; Народ саха от века к веку ..., 2003]. За исключением историко-социологических исследований И.А. Аргунова в 1980-е гг. [1985, 1988], интереснейшие аспекты социальной истории сельского населения, устойчивости традиционного образа жизни и его трансформаций в течение XX столетия специально не рассматривались.

В отечественной историографии советского периода господствовал принцип формационной интерпретации истории народов. Схема данного принципа в исследованиях этапов истории человечества действовала следующим образом: вычленялась базисная форма (производство и распределение), к ней привязывалась социальная структура, исходя из них объяснялись все исторические процессы и политические события. Общая теория прогресса, восходящего от «примитивных» форм использования природных ресурсов к промышленному и индустриальному уровню производства и потребления, выстраивала своеобразную культурную вертикаль. В первые десятилетия советской власти внизу этой линейной конструкции оказались многие коренные народы национальных республик: социально-экономические отношения, уклад и образ их жизни были оценены как низшие ступени общественной эволюции. Цивилизационный уровень народов, ведущих традици-

онный образ жизни, в т.ч. кочевой или полукочевой, был определен просто как «фаза полудикости и дикости».

Подобная позиция государства надолго определила стратегию в национальной политике по отношению к народам Сибири и Севера, воздействовала на установки в общественном и даже научном восприятии культуры коренных народов. Как следствие, в социальной иерархии табунщики, скотоводы, охотники, оленеводы и промысловики относились к представителям реликтовых, «низших» форм культуры. Их образ жизни не только подразумевал неизбежное историческое отмирание, но и подлежал планомерному вмешательству государства с целью искоренения.

Именно поэтому в период социализма жизнедеятельность коренных народов Якутии претерпела радикальные изменения. Масштабные реформы советской власти, в первую очередь, в сфере землепользования, коллективизация традиционных занятий, административное районирование и изменение системы расселения, преобразования в организации оленеводства и промыслов, вторжение в сферу внутриобщинных и семейных отношений не могли не воздействовать на материальную и духовную культуру коренных народов.

Изучение произошедших социальных процессов в сельском пространстве с фокусировкой на интересах коренных народов представляется не только малоисследованным, но и перспективным историческим научным направлением. Результаты изысканий по этой линии бесспорно ценны для самых различных междисциплинарных исследований и раскрывают широкую палитру интерпретаций, осмыслений места и роли культур коренных народов республики, их современной репрезентации и перспектив сохранения в меняющемся мире.

В сельской местности и сегодня проживают представители различных коренных народов, обладающих этнокультурными особенностями, обусловленными традиционными занятиями, языками и образом жизни. Саха-якуты, русские старожилы и малочисленные народы Севера: эвенки, эвены, юкагиры, долганы и чукчи остаются носителями и хранителями культурного мира, являющегося не только региональным, но и общероссийским достоянием. Но зачастую

ценности их образа жизни остаются в рамках этнографических коллекций в качестве реликтов или экзотики. Только относительно недавно произошло смещение научного и прикладного интереса к образу жизни, традиционному знанию, к основам природопользования и хозяйственной деятельности коренных народов как системе, имеющей право существовать и в современных условиях.

Нужно отметить, что к сохранившимся островкам уклада жизни, к хозяйственным занятиям коренных народов – оленеводству и животноводству – высок интерес не только отечественных, но и зарубежных исследователей. С 1990-х гг. в сферах изучения традиционного знания, землепользования, устной истории, этносоциальных процессов плотно работают наши зарубежные коллеги, особенно активны канадские и японские исследователи. В научный оборот вошли результаты их совместных с якутскими учеными исследований, в частности, по вопросам территорий традиционного природопользования, по различным аспектам устойчивости культуры и хозяйства коренных народов республики [Fondahl, Lazebnik, Poelzer, Robbek, 2001; Northern Sustainabilities ..., 2016; Филиппова, Саввинова, Фонда, 2020].

В настоящее время гуманитарное сообщество осознает, что нужно торопиться с проектами по реконструкции недавнего исторического прошлого, современники событий и процессов которого доступны для прямого общения и использования в качестве ценнейших информантов. Также сохраняется возможность проводить подобные исследования на компаративном материале, сотрудничая с коллегами из других регионов РФ или СНГ, в первую очередь, сибирских и азиатских, прошедших аналогичные исторические пути. Международное и межрегиональное сотрудничество представляется перспективным, так как ряд бывших национальных республик прошел аналогичный путь советизации, а в постсоветский период пережил схожие социально-экономические вызовы. При этом каждый национальный регион или республика характеризуется собственной картиной сохранности традиций и общей этнокультурной устойчивостью. Все это в совокупности может предоставить богатую базу для междисциплинарных и специализированных исследований

судеб образа жизни коренных народов на территории бывшего СССР.

Рассматривая социальную историю сельской Якутии на уровне повседневности, мы постоянно отмечаем процессы трансформаций и адаптации уклада и образа жизни коренных народов к меняющимся политическим и экономическим условиям. Так, вторая половина XX в. была отмечена значимыми общесоюзными и региональными реформами в пространстве традиционной жизнедеятельности. В пределах определенного исторического времени формировалась и развивалась социальная повседневность. Мы неоднократно освещали вопросы повседневной жизни коренного сельского населения в период 1960-х – 1980-х гг., руководствуясь тем, что данные хронологические рамки были наполнены крупными экономическими, демографическими и культурными изменениями, значительно повлиявшими на всю жизнедеятельность в регионе. Именно в этот период начались масштабные изменения в общем этнокультурном ландшафте республики [Аргунов, 1988, с. 127].

Трансформации традиционного образа жизни происходили длительное время, особенно активизируясь под воздействием крупных государственных реформ. В рамках статьи мы обратились к образу жизни доминирующей по численности этнической группы саха-якутов, традиционный уклад жизни которой был основан на занятиях животноводством. Подчеркнем, что до первых десятилетий XXI в. отличительным хозяйственным маркером самого северного тюркоязычного этноса остается наличие мясо-молочного животноводства и табунного коневодства. Аграрные реформы 1950–1960-х гг., завершение процессов поселкования и преобразование колхозов в совхозы стали наиболее значимыми административными и хозяйственными преобразованиями. Они повлияли на весь уклад и образ жизни в сельской местности в центральной, южной и западной частях республики, населенной преимущественно саха-якутами.

Организационные реформы в аграрном секторе экономики (объединение колхозов с целью их укрупнения) совпали во времени с административными преобразованиями в сельской местности. В результате форсирования процесса концентрации малых поселений, начатого

еще в период коллективизации 1930-х гг., было завершено поселкование. В целом, политика поселкования была направлена на концентрацию населения в крупных селах. Это упрощало и унифицировало организацию сельскохозяйственного производства и промыслов как основных традиционных хозяйственных занятий в республике.

По данным 1939 г., по Якутии насчитывалось 10716 сельских поселений, а в 1959 г. Всесоюзная перепись зафиксировала только 4423. Далее фиксируется неуклонно убывающая динамика их численности: в 1970 г. их стало 1317, в 1979-м – 726, в 1989-м – уже 641. При этом людность сельских поселений возросла с 62 чел. в 1959 г. до 565 чел. в 1989-м [Пономарева, Бубякин, с. 60]. Крупные колхозные, а затем совхозные сёла в 1970–1980-е гг. вытеснили малолюдные поселения: в 1989 г. доля малых сел с численностью населения до 200 чел. составляла 36,5 % от всех сельских поселений. В результате в центральной, южной и западной частях республики исчезла этническая аласная система расселения.

В новые посёлки были переселены сотни и тысячи семей, заброшены десятки малых населенных пунктов, производственные и промысловые участки. При этом были разрушены не только хозяйственные, но и культурные, возможно, даже духовные границы традиционного мира саха-якутов. Даже расселенческий аспект данной темы мало освещен на региональном материале, за исключением монографии по истории изменений в сфере расселения коренных малочисленных народов Якутии [Филиппова, 2007].

Наши полевые исследования показывают, что до настоящего времени в коллективной памяти народа сохранились следы стрессов, пережитых в ходе форсированной концентрации аграрного производства и административных переселений. В частности, поселкование выступает в качестве определенной вехи в персональной или общинной памяти как событие, изменившее окружающий мир. Следует подчеркнуть при этом скудность документальных источников, отражающих трансформации образа жизни на уровне повседневности. Например, касательно сел Крайнего Севера, при попытках реконструкции историко-культурного пространства повседневности мы фиксировали отсут-

ствие массивов фотодокументов и эпистолярных архивов, что присуще вообще сообществам с кочевым и полукочевым укладом в данный период. Для исследователей по этой причине актуализирован процесс аккумуляции всех доступных источников: кроме архивных фондов и материалов периодической печати, требуются источники устной истории, художественная литература, материальные свидетельства повседневной жизни на селе.

Здесь в качестве примера выявления визуального отражения изменений в укладе жизни представлены фотографии с полевых работ в центральных районах республики. На рис. 1 – изображение хорошо сохранившейся жилой по-

стройки, прослужившей нескольким поколениям животноводов. В течение 1960–1970-х гг. она использовалась в различных целях: в качестве стационарного зимнего жилья для колхозников, позднее как помещение для временного летнего проживания рабочих совхоза и для летней кухни производственного участка. На втором снимке (рис. 2) можно увидеть типичную для всех скотоводческих районов изгородь, огораживающую сенокосный участок на аласе. Как видно, по старинной якутской модели «үс үүттээх күрүө», или «үс мастаах күрүө» – со столбами на три поперечные прожилины – изгороди изготавливались вплоть до 1980-х гг.

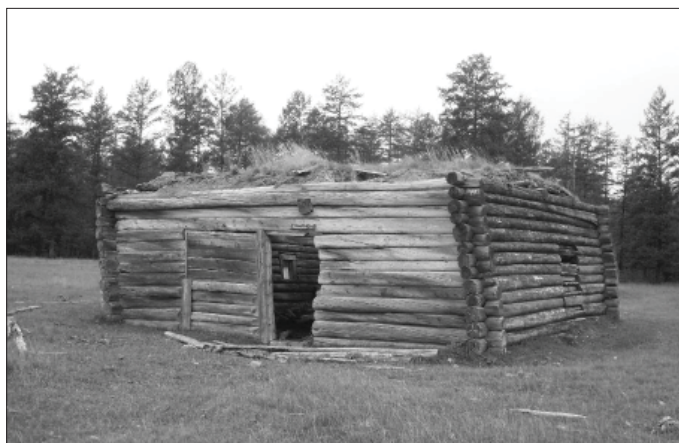

Рис. 1. Заброшенное жилье 1960–1970-х гг. на аласе (фото автора)

Рис. 2. Изгороди 1980-х гг. с традиционными столбами (фото автора)

Ограничиваясь рамками статьи, кратко остановимся на следующем. Одной из малоисследованных научных проблем остается комплексное освещение трансформаций кочевого образа жизни на якутском Севере. На арктических и субарктических территориях тысячелетним трудом аборигенов и нескольких поколений неаборигенного старожильского населения были созданы специфические хозяйственно-культурные локальные системы, адаптированные к суровым условиям Севера и Арктики. Эти северные сообщества также были вынуждены адаптироваться ко всем преобразованиям, осуществленным на территории республики. Пережитые ими вызовы были усугублены особенными сложностями, вызванными административным ускорением процесса перевода на оседлый образ жизни [Винокурова, 2016, с. 197–198]. Дополнительным прессом для традиционного образа жизни на высоких широтах явились возникшие в рассматриваемый период крупные индустриально-транспортные узлы.

Кроме сужения общего пространства жизнедеятельности, вследствие интенсивного промышленного освоения и трудовой миграции извне на коренные малочисленные народы было оказано демографическое давление – коренные народы оказались в численном меньшинстве на землях традиционного проживания. Интеграция в советское культурное пространство на Севере происходила в формате унификации, в ущерб сохранению этнических традиций и языка. Данные обстоятельства не могли не повлечь трансформации этнической идентичности у представителей коренных меньшинств. Тем более удивительно возвращение традиционных форм самоорганизации и форм хозяйствования в годы перестройки и в постсоветский период. Наличие потенциала адаптации у коренных малочисленных народов Севера Якутии можно оценивать как отдельный социальный феномен: оно подтверждается и стратегиями этно-демографического поведения, отмеченного ростом численности северных меньшинств, и всплеском этнической активности, проявившимся в появлении в последние десятилетия XX в. общественных организаций и объединений северных аборигенов на общественно-политической арене региона в качестве самостоятельных акторов [Григорьев, 2017].

Таким образом, в северной республике с коренным населением в течение второй половины XX столетия произошли радикальные изменения в сельском укладе и образе жизни под воздействием политико-административных и социально-экономических преобразований. Процессы разрушения традиционного хозяйствования и связанного с ним типа расселения как основы существования культуры коренных народов отражались в содержании повседневной жизни, отзываясь, разумеется, в целостном этносоциальном самочувствии коренных народов. На уровне повседневности в сельской местности под воздействием комплекса экономических и культурных факторов происходили процессы изменения социальной идентичности; сельское население, представленное в основном коренными народами, было вынуждено адаптироваться к меняющимся условиям жизнедеятельности. К сожалению, комплексные исследования трансформаций образа жизни в советских селах еще не стали полноценным трендом в региональной историографии. Между тем, современные социально-экономические и культурные процессы актуализируют не только академический, но и прикладной интерес к вопросам наличия ресурсов адаптации и сохранения традиционного образа жизни коренных народов Якутии.

Литература

- Алексеев Е.Е. История национального вопроса в Республике Саха (Якутия) (февраль 1917 – 1941). – Якутск: ИГИ АН РС (Я), 1998. – 320 с.
- Аргунов И.А. Социальное развитие якутского народа. – Новосибирск: Наука, 1985. – 320 с.
- Аргунов И.А. Социальная сфера образа жизни в Якутской АССР (История формирования и современные проблемы). – Якутск: Кн. изд-во, 1988. – 232 с.
- Башарин Г.П. История земледелия в Якутии (XVII в. – 1917 г.). – Якутск: Кн. изд-во, 1989. – Т. 1. – 350 с.; 1990. – Т. 2. – 413 с.
- Башарин Г.П. История аграрных отношений в Якутии. – М.: Арт-Флекс, 2003. – Т. 1. – 444 с.; – Т. 2. – 518 с.
- Башарин Г.П. Социально-экономические отношения в Якутии второй половины XIX – начала XX в. – Якутск: Сфера, 2012. – 373 с.
- Винокурова Л.И. Трансформация колхозов в совхозы в Якутии в 1960-х гг.: социальные и экономические последствия // Научный диалог. – 2016. – Вып. 11 (59). – С. 193–202.

Гоголев З.В. Социально-экономическое развитие Якутии (1917 — июнь 1941 г.). – Новосибирск: Наука, 1972. – 258 с.

Григорьев С.А. Национально-культурные объединения Якутии в общественно-политической истории региона на рубеже XX–XXI вв. // Научный диалог. – 2017. – № 12. – С. 297–308.

Иванова Т.С. Из истории политических репрессий в Якутии (конец 20-х – 30-е гг.). – Новосибирск, 1998. – 267 с.

Ковлеков С.И. Сельское хозяйство Якутии (1946–1970 гг.). – Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1992. – 199 с.

Ковлеков С.И. Сельское хозяйство Якутии (1971–1985 гг.). – Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1993. – 119 с.

Народ саха от века к веку: очерки истории. – Новосибирск: Наука, 2003. – 326 с.

Пономарева Г.А., Бубякин В.И. Типология сельских поселений Республики Саха (Якутия) по показателям людности // Региональные исследования. – 2013. – № 2. – С. 37–42.

Санникова Я.М. Коллективизация сельского хозяйства в Якутии (1929–1940 гг.). – Якутск: Бичик, 2007. – 136 с.

Сафронов Ф.Г. История Северо-Восточной Азии: XVII – начало XX в.: избр. труды. – Новосибирск: Наука, 2010. – 637 с.

Федоров В.И. Якутия в эпоху войн и революций (1900–1919). – Новосибирск: Гео, 2013. – 676 с.

Филиппова В.В. Коренные малочисленные народы Севера Якутии в меняющемся пространстве жизнедеятельности: вторая половина XX в. – Новосибирск: Наука, 2007. – 276 с.

Филиппова В.В., Саввинова А.Н., Фонда Г. Эвенки бассейна реки Олекма: расселение и землепользование в XXI веке // Научный диалог. – 2020. – № 1. – С. 495–509.

Northern Sustainabilities: Understanding and Addressing Change in the Circumpolar World. - Springer Polar Sciences. – 2016. – 342 p.

Fondahl G., Lazebnik O., Poelzer G., Robbek V. Native 'land claims', Russian style // Canadian Geographer / Le Géographe Canadien. – 2001. – 45 (4) – P. 545–561

L.I. Vinokurova

Rural Lifestyle in Soviet Yakutia 1960s - mid-1980s

The article examines the regional historiography of the rural space of Yakutia, it is noted that the social history of the indigenous peoples of the republic, the history of the traditional way of life and its transformations throughout the XX century, including a separate period of late socialism, remain little studied to date. In this regard, the problem of studying the rural way of life, which served as the basis of the traditional way of life, is emphasized; the special scientific relevance of this topic was voiced in light of the accelerating processes of urbanization and globalization in all regions of the Russian Federation.

The presence of the scale potential of the problem posed is indicated, including the possibility of comparative studies in areas not only of Russia, but also in the territories of the former USSR with long-term preservation of rural traditions. It is emphasized that in Yakutia, despite significant deformations of the rural way of life under the influence of Soviet state policy, the forms and elements of the traditional organization of indigenous peoples' life turned out to be very stable and capable of functioning in the post-Soviet period. This social phenomenon is illustrated by the example of indigenous northern minorities. The task is to mobilize and analyze historical sources that reflect the functioning of elements of the traditional way of life in the countryside of the republic in Soviet everyday life.

Keywords: rural lifestyle, Soviet everyday life, northern and Arctic villages, traditional lifestyle, Yakutia

